

ДЕВИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: ТЕЛЕСНОСТЬ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ, ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

Целью данной статьи является этногендерное исследование одного из этапов жизненного цикла российских дворянок — девичества — в контексте актуальных научных дисциплин: исторической этнологии и антропологии, истории повседневности, женской и гендерной истории². Анализ субъективных источников (женских писем, дневников, автобиографий, мемуаров), выражающих грани психических переживаний, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения³, показывает, что в особенностях прохождения именно этого этапа часто коренилась причина последующих жизненных неудач. При этом особенно важно проанализировать девичество в дворянской среде в XVIII — середине XIX в. через изучение антропологических аспектов женской телесности, сексуальности, особенностей поиска и осознания гендерной идентичности.

Девичество относится к тем этапам жизненного цикла женщины, которые широко представлены в научной литературе применительно к разным социальным общностям и эпохам⁴. При этом изучение периода девичества дворянских девушек в императорской России составляет видимое исключение. Проблема девичества как культурно-антропологического феномена, считавшаяся прерогативой этнографов, не попадала в поле зрения историков, а этнографы, в свою очередь, не интересовались дворянством, не маркируемым ими в качестве носителя традиционной культуры. В то же время исследовательский вакуум применительно к данной проблеме во многом объясняется и квазихрестоматийностью образа «барышни» — излюбленного конструкта русской классической литературы XIX в., подменявшего своей мнимой очевидностью возможный научный анализ. Усвоенные со школьной скамьи стереотипы, на которые за неимением других столь же признаваемых образцов едва ли не до настоящего времени вынуждены были опираться многие поколения российских и советских девушек в процессе осознания

© Белова А. В., 2006

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Провинциальная дворянская и чиновничья семья в XIX — начале XX века», проект № 05-01-57105а/Ц. Работа над статьей велась также в рамках темы «Русская культура в мировой истории» Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН.

² Подробнее о соотношении предмета и подходов истории повседневности как одного из направлений в историографии последней трети XX в. и женских и гендерных исследований см.: Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85—98. Далее — ЭО.

³ Diekwisch H. Einleitung // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 10.

⁴ Бахтина В. А., Астафьева Л. А. Золотая пора — молодые года // Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре: Вып. 3. Юность и любовь: Девичество / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л. Астафьевой и В. Бахтиной. М., 1994. С. 5—18; Бовуар С. де. Второй пол: В 2 т.: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой; Коммент. М. В. Аристовой. М.; СПб., 1997. Т. 2. Ч. 1. Гл. 2. Девушка. С. 366—409; Борисов С. Б. Культурная антропология девичества / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. Шадринск, 2000. С. 19—23; Он же. Мир русского девичества: 70—90-е годы XX века / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2002; Дерунов С. Девичья беседа в Пошехонском уезде // Мудрость народная: Вып. 3. С. 492—506; Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 141—151; Муравьева М. Г. Девичество // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 82—83.

собственной идентичности, делают «невидимым» дворянское девичество в России как предмет исторического и этнологического исследования. Литературные образы были репрезентацией мужского взгляда на девушку-дворянку, так как воспроизводили мысли, чувства, переживания, мотивации, которые, с точки зрения авторов-мужчин, якобы должны были быть ей присущи. Меня же будет интересовать, напротив, артикулирование дворянскими девушками себя посредством самопрезентации в письмах и автобиографиях, поиск ими собственной идентичности, но вместе с тем и реализуемый в период девичества механизм социального конструирования гендера.

Девичество — жизненный этап между «детством» и «зрелостью», а фактически замужеством, поскольку в отношении дворянства справедливо утверждение этнографов о решающем значении при определении статуса женщины «в любом слое “доэмансипированного” общества» разделения ее жизни на добрачную и замужнюю⁵. К середине XIX в. дворянскую девочку до пяти лет уже называли «маленькой барышней»⁶, затем к девочкам и девушкам самого разного возраста⁷ применялась номинация «барышня»⁸, причем достигшие 15 лет считались «взрослыми барышнями»⁹, что, очевидно, свидетельствовало о вступлении их в новую фазу жизненного цикла — девичество. Наименование «барышня» имело, помимо возрастной, еще и социальную коннотацию, указывая на девочку именно дворянского происхождения¹⁰. «Воспитать как барышню»¹¹ означало «содержать, как должно благородной девушке быть»¹².

Сами мемуаристки XVIII—XIX вв. называли девичество «молодостью»¹³ (иногда «юностью»¹⁴), интерпретируя его в контексте формирования собственной идентичности, а

⁵ См., например: *Листова Т. А.* По поводу статьи Т. Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // *ЭО.* 1994. № 5. С. 32.

⁶ *Ковалевская С. В.* Воспоминания детства // *Ковалевская С. В.* Воспоминания. Повести / Отв. ред. П. Я. Кочина. М., 1974. С. 10.

⁷ Например, в семье Лихаревых 6 незамужних дочерей — от 5 до 23 лет — в частной переписке родителей вне зависимости от их возраста назывались «барышнями» (Письмо В. А. Лихаревой к А. М. Лихареву от 4 августа 1850 г. // Государственный архив Тверской области. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 65 об., 66 об. Далее — ГАТО; Письмо А. М. Лихарева к В. А. Лихаревой от 12 января 1859 г. // Там же. Л. 34, 35, 57, 57 об.).

⁸ *Лабзина А. Е.* Воспоминания: Описание жизни одной благородной женщины // *История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст., примеч. В. М. Боковой.* М., 1996. С. 36; *Сабанеева Е. А.* Воспоминание о былом, 1770—1828 гг. // Там же. С. 363; *Дурова Н. А.* Кавалерист-девица: Происшествие в России // *Дурова Н. А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Б. Муравьева. М., 1988. С. 33, 38; *Ковалевская С. В.* Указ. соч. С. 25, 29, 33; Запись-дневник А. М. Лихарева за 3—16 мая 1850 г. // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 29, 55; Письмо В. А. Лихаревой к А. М. Лихареву от 4 августа 1850 г. // Там же. Л. 65 об., 66 об.; Письмо А. М. Лихарева к В. А. Лихаревой от 12 января 1859 г. // Там же. Л. 34, 35, 56, 57, 57 об.

⁹ *Ковалевская С. В.* Указ. соч. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ См. об этом: *Белова А. В.* Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // *Педагогика.* 2001. № 10. С. 73; *Она же.* Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX в.: (К постановке проблемы) // *Социальная история: Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н. Л. Пушкаревой.* М., 2003. С. 275—276.

¹² *Долгорукая Н.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // *Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы) / Под ред. Е. Анисимова.* Л., 1991. С. 258.

¹³ *Долгорукая Н.* Указ. соч. С. 258—259; *Лабзина А. Е.* Указ. соч. С. 28; *Ржевская Г. И.* Памятные записки // *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой, Л. Г. Сахаровой; Вступ. ст. А. Ф. Белоусова.* М., 2001. С. 47; Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля — мая 1859 г. // Керн А. П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1987. С. 150.

¹⁴ *Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 335.

себя в этом возрасте — «девушками»¹⁵, «девками»¹⁶, «девицами»¹⁷, «молодыми особами»¹⁸. Условной возрастной границей детства следует считать 12—14 лет¹⁹, когда девочки вступали в пубертатный период и им могла быть присуща характерная для переходного возраста своеобразная «неустойчивость» идентичности. Выражая, например, эмоциональную реакцию на одно и то же событие — несправедливое с ее точки зрения наказание («стать в угол» за чтение книги, которое было «строго-настрога запрещено» без предварительного прочтения ее гувернанткой²⁰), юная дворянка в этом возрасте воспринимала себя одновременно то как «большую двенадцатилетнюю девицу», то как «бедную маленькую девочку»²¹. «Кавалерист-девица» Н. А. Дурова (1783—1866) считала, что с 14 до 16 лет она дважды переживала своего рода смену идентичности: от «Ахиллеса в женском платье»²² к «скромному и постоянному виду, столько приличествующему молодой девице»²³ и обратно²⁴.

Возрастные рамки девичества, сильно варьировавшие в разных странах и в разные эпохи в зависимости от изменения принятого возраста вступления в брак²⁵, не отличались постоянством и в дворянской России в исследуемый период. В целом можно говорить о распространенности раннего замужества дворянок, причем вплоть до 80-х гг. XVIII в. обычный для них возраст начала матримониальных отношений — 14—16 лет²⁶ (иногда

¹⁵ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 259.

¹⁷ Дурова Н. А. Кавалерист-девица. С. 34.

¹⁸ Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля — мая 1859 г. С. 151.

¹⁹ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Керн А. П. Воспоминания о Пушкине С. 33; *Она же*. Из воспоминаний о моем детстве // Там же. С. 367, 370. Наряду с мемуаристами, ограничивавшими свое детство 12-летним возрастом, встречались и такие, которые продляли его до 14 лет: «Надобно думать, что четырнадцатилетний возраст служит границей и вместе переходом из детства в юношество, и так же, как всякий перелом, имеет свой кризис; что многочисленные шалости мои были как будто прощальной данью летам детства, проведенным большей частью в слезах и угнетении» (Дурова Н. Некоторые черты из детских лет // Дурова Н. Русская амазонка: Записки. М., 2002. С. 27—28.)

²⁰ Ковалевская С. В. С. 32, 34.

²¹ Там же. С. 34—35.

²² Дурова Н. А. Кавалерист-девица. С. 33.

²³ «...Я увидела себя в другой сфере... назначение женщин не казалось уже мне так страшным, и мне наконец понравился новый род жизни моей» (Там же. С. 35).

²⁴ «Обольстительные удовольствия света, жизнь в Малороссии и черные глаза Кирияка, как сон, изгладились в памяти моей; но детство, проведенное в лагере между гусарами, живыми красками рисовалось в воображении моем. Все воскресло в душе моей! Я не понимала, как могла не думать о плане своем почти два года!» (Там же. С. 39.)

²⁵ Муравьева М. Г. Указ. соч. С. 82.

²⁶ Например, графиню Н. Б. Шереметеву (1714—1771) «в церкви венчали» с И. А. Долгоруким (1708—1739) «в 16 лет». (Долгорукая Н. Указ. соч. С. 265—266). По сообщению А. П. Керн, ее бабушка Агафоклея Александровна, урожденная Шишкова, (? — 1822) «вышла замуж очень рано, когда еще играла в куклы, за Марка Федоровича Полторацкого» (1729—1795) (Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве. С. 354—355.) «Девицу Катерину Романову» Воронцову (1743/1744—1810) отец «сговорил в замужество» за князя М. И. Дашкова (1736—1764) «на 16-м году» жизни (Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 8—9). Мемуарист Н. И. Андреев (1792—1870) вспоминал о браке своего отца: «Женился он в 1784 году Июня 17-го на дочери дворянина Мягкова, Елене Васильевне, которой тогда не более было 14 лет» (Андреев Н. И. Воспоминания // Русский Архив. 1879. Т. 3. С. 173).

даже 13 !²⁷), на рубеже XVIII—XIX вв. — 17—18²⁸, к 30-м гг. XIX в. — 19—21²⁹. Во второй четверти XIX в. уже встречались первые браки, заключенные в более зрелом возрасте — в третьем и даже четвертом десятилетиях жизни дворянок³⁰. По мере повышения брачного возраста время девичества расширялось³¹. Для незамужних дворянок верхняя граница этого этапа жизненного цикла формально оставалась открытой, что выражалось в сохранявшейся за ними по выходе из возрастной категории собственно «взросления» юридической номинации «девица»³², а также в социально предписываемом обозначении «старая дева»³³ или «Старая Девушка»³⁴. Нарушительницы верхней границы нормативного брачного возраста причислялись к выделяемой этнографами в традиционных культурах категории «выбившихся из ритма жизни и уже поэтому социально неполноценных людей»³⁵.

Представление о легитимации зрелости исключительно посредством замужества претерпело определенные изменения только у «девушек шестидесятых годов»³⁶ XIX в., да и то это касалось их внутренних установок, а не доминировавших общественных взглядов. Процесс взросления уже не сводился для них к превращению в социально ожидаемую «востребованную» невесту, а выражался в обретении профессиональной пригодности и сопряженной с ней финансовой независимости³⁷. Качественный рубеж между детством и девичеством ассоциировался с преодолением пассивной роли обучаемой ученицы и позиционированием себя как активного субъекта, нацеленного на самореализацию и осуществление выбора на акциональном уровне³⁸. Некоторым

²⁷ А. Е. Лабзина вспоминала, что, когда «положена была свадьба» ее с первым мужем, А. М. Карамышевым, ей «было тринадцать лет» (*Лабзина А. Е.* Указ. соч. С. 27.)

²⁸ См., например: *Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 364. Хотя А. П. Полторацкую (1800—1879), по ее словам, «16 лет выдали замуж за генерала Керна» (*Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине. С. 33).

²⁹ Например, дворянка Рязанской губернии Варвара Александровна, урожденная Астафьева (1813—1897), вступила в брак с Александром Михайловичем Лихаревым (1809—1884) 13 августа 1833 г. в возрасте 20 лет (ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 67), а тверская дворянка, «девица Елисавета Алексеева» Будаевская, в 21 год была «венчана первым браком» с 23-летним Алексеем Афанасьевичем Чебышевым 24 января 1847 г. (ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). Е. Н. Вульф (1809—1883) было 22 года, когда состоялось ее бракосочетание с бароном Б. А. Вревским (Письмо П. А. Осиповой к А. С. Пушкину от 19 июля 1831 г. // Гроссман Л. П. Письма женщин к Пушкину. Репр. изд. Подольск, 1994. С. 60).

³⁰ О. С. Пушкина (1797—1868) вышла замуж за Н. И. Павлицева в 31 год (см.: *Кунин В. В.* Ольга Сергеевна Павлицева // *Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М., 1986. Т. 1. С. 45.*) А. И. Вульф (Нетти) (1799—1835) вступила в брак с В. И. Трувеллером в 35 лет (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. Калинин, 1985. С. 30).

³¹ Ср. выводы современных антропологов о том, что «юность в современном обществе стала пролонгированным этапом развития: момент ее окончания точно не установлен» (*Хасанова Г. Б.* Антропология: Учеб. пособие. М., 2004. С. 102.)

³² ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 70, 84; Д. 66. Л. 1—7 об.; Д. 70. Л. 1—18; Д. 72. Л. 1—7; Д. 73. Л. 1—2 об. и др.

³³ Письмо Е. Н. Ушаковой к И. Н. Ушакову от 23 мая 1830 г. // *Друзья Пушкина. Т. 2. С. 388.*

³⁴ Там же.

³⁵ *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 65.

³⁶ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 2002. С. 17.

³⁷ «Моя заветная мечта осуществлялась: я получила работу! <...> Я чувствовала, что вышла на новую дорогу, могу зарабатывать своим трудом деньги, становлюсь независимой, а идея независимости для меня, девушки шестидесятых годов, была самой дорогой идеей» (*Достоевская А. Г.* Указ. соч. С. 17).

³⁸ «...Я проснулась бодрая, в радостном волнении от мысли, что сегодня осуществится давно лелеянная мною мечта: из школьницы или курсистки стать самостоятельным деятелем на

современникам-мужчинам казался привлекательным новый «тип серьезной и деловитой девушки», который «в обществе народился» к эпохе модернизации. Вместе с тем появление этого типа требовало от них выработки новой модели поведения по отношению к таким женщинам, в том числе и речевого³⁹.

До эпохи буржуазной модернизации девичество как жизненный этап осмыслялось в терминах социально навязываемого ожидания «решения участи», отождествлявшейся исключительно с замужеством⁴⁰. Считалось, что и получение образования, и даже придворная карьера — всего лишь подготовительные стратегии достижения главной жизненной цели женщины: выхода замуж. Не случайно женское среднее образование, в частности институтское, не имело профессиональной востребованности, о чем мне уже доводилось писать ранее⁴¹. Женские институты, созданные с целью формирования в России «новой породы... матерей»⁴² и выполнявшие функции социального призрения для девочек-сирот и дочерей неимущих или малоимущих дворян⁴³, репрезентировали свой конечный продукт как обладающих светскими манерами потенциальных домашних хозяек⁴⁴. Лучшие выпускницы получали при окончании института так называемый «шифр»⁴⁵ — «золотой, украшенный бриллиантами вензель императрицы под короной на банте из андреевской ленты»⁴⁶ — и могли рассчитывать на придворную карьеру фрейлины с последующей перспективой, опять-таки, «составить блестящую партию»⁴⁷. Именно поэтому многие дворянки ценили фрейлинский шифр не как признание образовательных достижений, индивидуальных заслуг, публичного статуса, а как способ устранения финансовых препятствий к замужеству. По словам В. Н. Головиной (1766—1819), ее «*belle-sœur*»⁴⁸, княгиня Голицына, «хотела, чтобы ее старшая дочь получила шифр, потому что с этим отличием связывалось приданое в двенадцать тысяч рублей»⁴⁹. Вместе с тем на рубеже XVIII—XIX вв., «в начале царствования императора Павла Петровича», в среде

выбранном мною поприще» (Там же. С. 18).

³⁹ «В первое твоё посещение, — продолжал он вспоминать, — меня поразил такт, с которым ты себя держала, твоё серьезное, почти суровое обращение. Я подумал: какой привлекательный тип серьезной и деловитой девушки! И я порадовался, что он у нас в обществе народился. Я как-то нечаянно сказал неловкое слово, и ты так на меня посмотрела, что я стал взвешивать свои выражения, боясь тебя оскорбить» (Там же. С. 64).

⁴⁰ Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 27, 28; Ржевская Г. И. Указ. соч. С. 45, 61; Письмо М. Пуятинной к В. Л. Манзей от 13 августа 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 21; Письмо П. Рыкачевой к В. Л. Манзей от 11 мая 1836 г. // Там же. Л. 33; Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 9 мая 1836 г. // Там же. Л. 92.

⁴¹ См.: Белова А. В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76—83.

⁴² Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: Т. XVI. № 12103. СПб., 1830. С. 669.

⁴³ См.: Белова А. В. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 212—228.

⁴⁴ Например, в одном из стандартных свидетельств об окончании Смольного института за 1812 г. говорилось: «Благородная девица Аграфена Васильевна Мацкевичева как в поведении приличном благовоспитанным, и в приобретении знаний, наук и рукоделий соответственных ей полу с касающимися до нужного домоводства упражнениями, своим вниманием и прилежанием достигла до отменного успеха...» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

⁴⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 80.

⁴⁶ Дворянские роды Российской империи / Науч. ред. С. В. Думин. СПб., 1993. Т. 1. С. 68.

⁴⁷ Шепелев Л. Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 161.

⁴⁸ Невестка (фр.).

⁴⁹ Головина В. Н. Мемуары. М., 2005. С. 380.

провинциального дворянства все еще был распространен «мужской» взгляд на женское образование как на недостойную альтернативу замужеству: «Прадед... за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам. — Мои дочери не пойдут в гувернантки, — говорил Алексей Ионович. — Они не бесприданницы; придет время, повезу их в Москву, найдутся женихи для них»⁵⁰. Получение образования воспринималось как своего рода вынужденная «стратегия выживания» для дворянок с низким уровнем материального достатка, которые в силу этого не могли рассчитывать на выход замуж, то есть на реализацию нормативного жизненного сценария.

В новейших психоаналитических и гендерных штудиях проблематизируется подростковый период в жизни женщины и его функция в становлении женской идентичности⁵¹. Немецкий психоаналитик Ева Полюда различает в «подростковом возрасте женщины» пубертатный и собственно подростковый периоды, отождествляемые ею с «ранней» и «зрелой» стадиями взросления. Она трактует пубертатный период как «переход от защищенного тела ребенка к самостоятельному сексуальному телу взрослого», что в случае с женщиной означает, по ее мнению, «пубертатный переход от материнской зависимости к новому периоду жизни как молодой женщины»⁵².

В условиях дворянского образа жизни взросление как «отделение от родителей» (Е. Полюда), отрыв от родительской семьи в большинстве случаев был для девушек травмирующим обстоятельством. Главная причина травмы состояла в «неплавности» этого перехода, который не был эмоционально-психологическим обособлением при сохранении позиции дочери внутри семьи, а выражался, вследствие раннего замужества, в неожиданном оставлении «своей», «защищающей» семьи и включении в «новую», «пугающую» неизвестность⁵³, и вместе с тем в резкой смене функциональных ролей: превращении из дочери в жену, что фактически, при отсутствии у девушки сформированных навыков отстаивания собственной идентичности и при объективном старшинстве супруга по возрасту⁵⁴, означало принятие роли дочери по отношению к мужу. Кроме того, все социальные позиции, которые разделяла дворянская девушка, — и дочери, и жены, и невестки — были связаны с подчинением чьей-то власти. Вследствие замужества менялся лишь источник этой власти⁵⁵.

⁵⁰ *Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 363.

⁵¹ См.: *Полюда Е.* «Где ее всегдашнее буйство крови?»: Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования: Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 2003. Вып. 3. С. 101—133; *Шорэ Э.* «Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...»: Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л. Д. Менделеевой-Блок // Там же. С. 233—249.

⁵² *Полюда Е.* Указ. соч. С. 102, 109.

⁵³ «Привыкшая к мирному очагу своей родной семьи, как пугалась она сначала волнений той среды, в которую попала в доме супруга» (*Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 360); «Теперь, мой друг, тот день, в который ты начнешь новую совсем и для тебя неизвестную жизнь» (*Лабзина А. Е.* Указ. соч. С. 28).

⁵⁴ Часто речь шла о разнице в возрасте супругов в 10—20 лет, но могла быть и большей. В связи с этим даже история А. П. Керн, выданной замуж в 16 лет за 52-летнего, как она писала, «безобразного старого генерала» (*Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине. С. 33; *Она же.* Из воспоминаний о моем детстве. С. 371), выглядит не столь впечатляющей, как другая, — история «красавицы Евдокии» Прончищевой, которую отец, спешно увезя из Москвы в деревню, «выдал замуж за князя Якова Алексеевича Несвицкого, человека богатого, но мало подходящего ей по летам: ей было семнадцать, а супругу ее под семьдесят», только лишь потому, что она «своей красотой обратила на себя внимание государя» (*Сабанеева Е. А.* Указ. соч. С. 364).

⁵⁵ Мать А. Е. Лабзиной внушала ей накануне свадьбы: «И ты уж не от меня будешь зависеть, а от мужа и от свекрови, которым ты должна беспредельным повиновением и истинною любовью. Уж ты не от меня будешь принимать приказания, а от них. Моя власть над тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружеские советы» (*Лабзина А. Е.* Указ. соч. С. 28).

Взросление дворянских девушек, особенно в семьях провинциального дворянства, можно назвать «запаздывающим» ввиду, во-первых, высокой степени эмоционально-психологической зависимости их от родителей и семейного круга даже в возрасте старше 20 лет⁵⁶ и, как следствие, дефицита опытов самостоятельного выстраивания межличностных отношений, во-вторых, тотального контроля со стороны взрослых и жестких ограничений свободы поведения (как на акциональном, так и на вербальном уровне) и самовыражения, в-третьих, сексуальной «непросвещенности» и, следовательно, отсутствия рефлексии собственной сексуальности, а значит, и понимания изменений своей телесности и влияния этих изменений на поиски собственной идентичности.

В крестьянской культуре, в отличие от дворянской, сложился определенный адаптивный механизм перехода от дочери-девушки к жене-женщине. Вот основные составляющие этого механизма: наличие ритуала, трактуемого, как известно, «как способ переживания человеком критических жизненных ситуаций»⁵⁷; участие девушек в специфических формах молодежного общения и приобретение навыков выстраивания отношений со сверстницами своего и сверстниками противоположного пола без присутствия взрослых; относительно лучшая осведомленность в сексуальных вопросах и большая свобода доброго поведения и взаимоотношений полов.

Например, в крестьянской среде местом молодежной коммуникации и одновременно знакомства будущих супругов была «девичья беседа», представлявшая собой, по словам С. Дерунова, изучавшего этот феномен в Пошехонском уезде, «сельский клуб для молодых парней и девиц»⁵⁸. Здесь развивались отношения между ними, здесь же парнем делалось предложение о браке непосредственно самой девушке, а девушка, в ответ, давала ему обещание быть суженой и подругой или отказывала в этом. Проведение публичного досуга в «девичьей беседе» подразумевало в контексте ритуального поведения такие формы межполового общения молодежи, как поцелуи «взасос», страстные взгляды, припадание лицом к лицу, крепкое сжимание рук, сидение на коленях друг у друга. В частности, девушка, занимаясь долгими зимними вечерами в беседе монотонной работой прядения льна, могла делать это, сидя на коленях у своего возлюбленного, предварительно с ним поцеловавшись⁵⁹. Такие формы доброго общения считались легитимными и вполне пристойными: изучавший их С. Дерунов особо оговаривает локальное разнообразие бесед по «чинности и обстановке», отмечая, наряду с рассмотренным примером «соблюдения приличий и сдержанности», допускавшееся в некоторых местностях «несдержанное» и «неприличное» поведение между парнями и девушками и «свободные обращения»⁶⁰. При этом следует заметить, что доброе общение между полами в крестьянской среде осуществлялось в присутствии сверстников, в то время как в дворянской — почти всегда в присутствии взрослых, в первую очередь родителей девушки, что являлось выражением формальных ограничений.

Эти ограничения касались почти исключительно девушек-дворянок, поскольку дворянские юноши имели широкий спектр возможностей сексуального «просвещения» и более свободного проявления сексуального поведения до брака. Сюда относятся и «доступность» крестьянских и прочих «девок» (или «распутных девок», как называли их дворянки⁶¹) в качестве сексуальных объектов в условиях усадебного и городского быта⁶²,

⁵⁶ См., например: Письмо Ю. Лихаревой к В. А. Лихаревой от 19 января 1859 г. // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 70; Письмо А. Лихаревой к В. А. Лихаревой от 19 января 1859 г. // Там же. Л. 70 об. — 71.

⁵⁷ *Байбурин А. К.* Указ. соч. С. 3.

⁵⁸ *Дерунов С. С.* 492, 493.

⁵⁹ Там же. С. 492—494.

⁶⁰ Там же. С. 500.

⁶¹ *Лабзина А. Е.* Указ. соч. С. 54.

и участие дворянина-военного в специфических формах крестьянского досуга в походных условиях жизни⁶³.

Механизм взросления, в том числе обретения собственной сексуальности, существенно различался у дворянских юношей и девушек. Первые, в отличие от последних, всегда имели в своем распоряжении необходимые источники информации в лице крепостных из ближайшего окружения обоюбого пола⁶⁴. Для дворянских девушек любая информация на сексуальную тему блокировалась, вплоть до почти единственного «самоучителя» в виде романов⁶⁵. Представительницы старшего поколения также не посвящали молодых дворянок в сексуальную сторону отношений между супругами не только накануне замужества, но даже при наличии проблем в этой области после заключения брака. Свекрови юной и неискушенной А. Е. Лабзиной, лично убедившейся в сексуальной связи сына с его племянницей и отсутствии у него сексуальных отношений с женой, и в голову не пришло поговорить с невесткой о существовании подобных

⁶² Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году: (1722—1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы). С. 316—317; Загряжский М. П. Записки (1770—1811) // Лица: Биографический альманах: Т. 2 / Ред.-сост. А. А. Ильин-Томич; Коммент. В. М. Боковой. М.; СПб., 1993. С. 92—93; «Днем ездил по полям, а ночи проводил с девками. Они начали ко мне ласкаться. Даже самые молоденькие, которым было лет по шестнадцати, и те старались сыскать во мне к себе привязанность. Мне было приятно, но без чувства любви удовлетворял свою юность» (Там же. С. 94.); Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 64.

⁶³ Например, мемуарист М. П. Загряжский описал свое участие во время «постоя» эскадрона в Харьковском уезде в слободе Иванешти в так называемой «вечеринке» — «обыкновении в зимние вечера сходить к молодым ребятам и девкам по нескольку в одну избу» (Загряжский М. П. Указ. соч. С. 109).

⁶⁴ «...Разного звания дворовых людей было еще довольно, и в горнице девок, которые поодиночке рассказывали мне друг про друга любовные пронырства. Камердинер мой в свою очередь не умалчивал сказывать о таких же успехах. Это побудило и меня испробовать. Я отнесся о сем к одной из старших девок, она согласилась удовлетворить мое желание, и так я семнадцати лет познал обыкновенные натуральные действия, свойственные сим летам. Однажды был довольно смешной случай. Я спал возле батюшкиной спальни. Дом был нельзя сказать о двух этажах. Девичья была под спальней батюшкиной, имела два входа, один из спальни, другой со двора. Надворную дверь женщина, живущая возле девичьей, всегда запирала на крючок. Мне вздумалось идти к моей наставнице. Стучаться со двора не хотелось. Батюшка почивал довольно крепко. Я тихонько прошел мимо его. Надо было возле кровати спуститься по лестнице. Лишь прошел ступеньки три, поскользнулся, упал и довольно наделал шуму. Батюшка проснулся, закричал девку, — моя наставница бежит. Он спрашивает, что стучит, она отвечает Медуза (имя дацкой собаки, живущей в горнице). Батюшка удовлетворился сим ответом, а я под именем собаки пошел с моей мастерицей. Пробыв с нею часа два, спокойно возвратился на свое место» (Там же. С. 92—93).

⁶⁵ А. Е. Лабзина (1758—1828), например, вспоминала, что, живя в Петербурге в доме «благодетеля» М. М. Хераскова, будучи уже замужем (хотя ей шел только «пятнадцатый год»), она тем не менее читала ту литературу, которую ей «давали, а не сама выбирала» (очевидно, ее воспринимали, невзирая на замужество, в соответствии с возрастом как девушку): «К счастью, я еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего. Случилось, раз начали говорить о вышедших вновь книгах и помянули роман, и я уж несколько раз слышала. Наконец спросила у Елизаветы Васильевны, о каком она все говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются; “но тебе их читать рано и не хорошо”» (Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 46). Важно подчеркнуть, что отношение к чтению девушками романов практически не менялось на протяжении почти ста лет — с 70-х гг. XVIII в. по 60-е гг. XIX в. С. В. Ковалевской (1850—1891), которая девушкой не раз «переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы», было тем не менее «строго-настрого запрещено касаться» в домашней библиотеке «соблазнительных томиков иностранных романов», не относившихся к «дозволенному чтению», и неоднократно приходилось переносить наказания за нарушения этого запрета (Ковалевская С. В. Указ. соч. С. 32—34).

отношений, о которых та даже не подозревала («Я тогда не знала другой любви...»⁶⁶), и о том, как их наладить⁶⁷.

В то же время при попадании дворянских девушек в ситуации, из которых они могли бы извлечь выгоду для собственного сексуального «просвещения» (например, невольное созерцание сцены любовного флирта или обнаженной античной скульптуры), последнему препятствовали внутренние блокирующие механизмы («стыд», «стыдливость»)⁶⁸. Очевидно, над ними довлело внушенное в процессе воспитания представление о телесном и сексуальном как о постыдном (сексуальные отношения, называемые юношами «обыкновенными натуральными действиями»⁶⁹, девушки именовали «скотской любовью»⁷⁰). Причем в качестве мотивации выступали не столько общие для всех этические требования религии, сколько социальные предписания по признаку пола. Не случайно дворянскими юношами «стыдливость» преодолевалась гораздо легче, чем девушками⁷¹.

Вместе с тем элементом той же воспитательной стратегии было приучение дворянских девушек к терпеливому перенесению боли⁷². Если считать это универсальной тенденцией, характерной для разных времен и культур, то к данному ряду, с мотивацией превращения женской телесности в объект мужского сексуального внимания, следует отнести и многочисленные практики «переделки» женского тела: от китайского обычая бинтования ног⁷³ до европейской традиции ношения жесткого корсета⁷⁴. В «Воспоминаниях о детстве и юности» баронессы В.-Ю. Крюденер (1764—1824), отмечавшей стремление своей матери в отношении дочерей «внушить желание стойко переносить физические страдания»⁷⁵, содержится характерное замечание: «Во время болезней и при сильных болях за нами ухаживали, но никогда ни единая жалоба не срывалась с наших уст, ибо мать напоминала нам мягко и с улыбкой, но властно, что женщинам суждено испытывать сильную боль»⁷⁶. Еще в детстве девочкам устраивали

⁶⁶ Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 67.

⁶⁷ Там же. С. 39—40.

⁶⁸ «Свекровь моя ей велела, чтоб она только день с нами была, а после ужина тотчас приходила бы в ее комнату. Но и в день, где мы сживали одни, бывали такие мерзости, на которые невозможно было смотреть. Но я принуждена была все выносить, потому что меня не выпускали. Я от стыда, смотря на все это, глаза закрывала и плакала» (Там же. С. 41); «Когда мы пришли в последнюю комнату дворца, он провел меня в угол, где стояла статуя Аполлона, которой античный резец мог доставить удовольствие артисту, а также привести в смущение молодую девушку, к счастью, слишком неопытную, чтобы восхищаться совершенством искусства за счет стыдливости» (Головина В. Н. Указ. соч. С. 19—20).

⁶⁹ Загряжский М. П. Указ. соч. С. 92.

⁷⁰ Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 60.

⁷¹ Головина В. Н. Указ. соч. С. 19; Данилов М. В. Указ. соч. С. 316—317.

⁷² «По данным современной психологии, эмоциональная реакция на боль, хотя и определяется природными нервными физиологическими механизмами, но в значительной степени зависит от условий развития и воспитания» (Кассиль Г. Н. Боль // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1970. Т. 3. С. 526).

⁷³ Подробнее см.: Дворкин А. ГИноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск, 2000. С. 12—28.

⁷⁴ См.: Shorter E. Verteufelung des Korsetts // Shorter E. Der weibliche Körper als Schicksal: Zur Sozialgeschichte der Frau. München; Zürich, 1987. S. 47—50.

⁷⁵ Крюденер В.-Ю. Воспоминания о детстве и юности // Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты / Пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. Е. П. Гречаной. М., 1998. С. 100.

⁷⁶ Там же. Также см.: Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II: Репр. воспр. / Отв. ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1990. С. 9.

своеобразный «тренинг» на выносливость⁷⁷, нацеливая их на психологическое снижение чувствительности к боли. Вместе с тем в подобных установках имплицитно содержится ориентация девушек на деторождение как некую внешнюю заданность и отождествление жизненного пути женщины с выполнением репродуктивной функции. Роды становились моментом своеобразной инициации, когда женщине следовало реализовать внушавшийся ей с детских лет опыт безропотного перенесения той самой, «сильной», а именно родовой, боли⁷⁸.

Мой основной тезис состоит в следующем. При том, что дворянским девушкам внушались идеи замужества и репродукции как женского предназначения, при том, что в них воспитывали взгляд на себя как на объект мужского внимания, в том числе и сексуального, хотя в большинстве случаев это выражалось эвфемистически, в них сознательно блокировалось обретение и развитие собственной сексуальности — семья, культура и общество всячески препятствовали превращению их «детских» тел в «сексуальные». Из дворянской девушки формировали женщину-ребенка, не осознающую ни своего тела, ни собственной сексуальности, ни, следовательно, собственной идентичности. Только пройдя через «жернова» брачного опыта, не всегда удачного, многочисленные беременности, но вместе с тем и обретение собственной телесности, некоторые дворянки совершали «удачный» выход из подросткового периода и уже на новом уровне осознания себя вступали в более равноправные и гармоничные отношения в новом браке (примеры повторных браков А. Е. Лабзиной, А. П. Керн-Марковой-Виноградской, Н. Н. Пушкиной-Ланской и др.). По отношению к своим вторым мужьям они уже не были женщинами-детьми, а воспринимались ими, как, собственно, и ощущали себя, состоявшимися зрелыми женщинами. Некоторым же дворянкам так и не удавалось «извлечь преимущества» из маргинальности собственного неудачного пубертата, освободиться от потерпевшего крах опыта первой любви, и они медленно угасали в сравнительно молодом возрасте (например, Л. А. Бакунина в 27 лет⁷⁹, Н. И. Дурова в 35⁸⁰),

⁷⁷ Вариации и мотивировки могли быть различными. Мемуаристки вспоминали «корректировки» тела, пережитые ими в детстве: от прививания через битье привычки к «прямохождению» (Долгорукая Н. Указ. соч. С. 275) до практически спартанского «укрепления тела» через перенесение «грубой пищи», холода без теплой одежды, физических нагрузок, ограничения сна, своеобразного закаливания (Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 17—18). Все это девочки должны были вытерпеть для того, чтобы соответствовать социокультурным «требованиям», предъявляемым к женской внешности, или быть готовыми к не слишком обеспеченному замужеству или замужеству в походных условиях (Там же. С. 17). Правда, не стоит игнорировать и психоаналитический фактор компенсации матерью собственных эмоциональных проблем в отношениях с дочерью. Особенно интересно, что практически ту же «суровость» воспитания, что и Лабзина, испытала на себе баронесса В.-Ю. Крюденер (Крюденер В.-Ю. Воспоминания о детстве и юности. С. 100—101, 107, 111), сумевшая впоследствии воспроизвести ту же модель и в отношениях с собственной дочерью (Крюденер В.-Ю. [Из дневников] // Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты. С. 88). При этом матери и Лабзиной, и Крюденер были женщинами особо религиозными, а сама баронесса — проповедницей христианского мистицизма.

⁷⁸ Характерно, что уподобление «боли в родах» «женской инициации» и представление о ней как о «квинтэссенции, эталоне боли, самой главной, самой сильной боли» сохраняются и в современной русской городской культуре. Об этом см.: Белоусова Е. А. Родовая боль в антропологической перспективе // ARBOR MUNDI. Мировое древо: Междунар. журн. по теории и истории мировой культуры. 1998. № 6. С. 49, 56.

⁷⁹ О неудачном романе Л. А. Бакуниной (1811—1838) с Н. В. Станкевичем (1813—1840), завершившемся не свадьбой, а ее болезнью и смертью, см.: Манн Ю. В. В кружке Станкевича: Историко-литературный очерк. М., 1983. С. 204—219.

⁸⁰ «Она писала, что не имеет силы удалиться от него, не может перенести мысли расстаться навек с мужем, хотя жестоко ее обидевшим, но и безмерно ею любимым! <...> Несчастливая! ей суждено было обмануться во всех своих ожиданиях и испить чашу горести до дна! Батюшка переходил от одной привязанности к другой и никогда уже не возвращался к матери моей! Она

принадлежа к тому поколению молодых женщин, которые, по словам Е. Полюды, «чувствовали себя обязанными хранить верность своей первой любви или умирать, если любовь терпит фиаско (как Джульетта или Русалочка в сказке Андерсена)»⁸¹. По сути, практически вся женская автобиографическая традиция — это история «состоявшегося» или «несостоявшегося» пубертата.

Существенно также и то, что не только дворянские девушки не стремились к избавлению «от материнской зависимости»⁸², но и матери не спешили отпускать их от себя, порождая тем самым сложности в отношениях, особенно со старшими дочерьми. «Столкновение между матерью и дочерью» Е. Полюда объясняет «разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочери»⁸³. Раннее замужество матерей и, соответственно, раннее рождение первых дочерей, разница в возрасте между ними менее 20 лет (16, 17, часто 18) приводили к тому, что в известное время и те (еще), и другие (уже) оказывались в пределах репродуктивного возраста, однако дочери воспринимали положение матерей как преимущественное по сравнению с собственным. Неопытность, а часто и полная неосведомленность в вопросах взаимоотношения полов⁸⁴, жесткий социальный контроль за вербальным и сексуальным поведением незамужних девушек⁸⁵ действительно ставили матерей в более выигрышную позицию, не только ввиду большей искушенности в сексуальной сфере и меньшего опасения забеременеть⁸⁶, но и

томила, увядала, сделалась больна, поехала лечиться в Пермь к славному *Гралю* (курсив Н. А. Дуровой. — А. Б.) и умерла на тридцать пятом году от рождения, более жертвою несчастья, нежели болезни!.. <...> ...И необыкновенная красота не спасла ее; отец перестал ее любить, и безвременная могила была концом любви, ненависти, страданий и несчастий» (*Дурова Н. А. Указ. соч. С. 38—39.*)

⁸¹ Полюда Е. Указ. соч. С. 125—126.

⁸² «Ах, как бы я желала соединиться с моей почтенной матерью!» (*Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 39.*)

⁸³ Полюда Е. Указ. соч. С. 105.

⁸⁴ Чего стоят одни высказывания А. Е. Лабзиной, характеризующие ее представления о сексуальной сфере, не изменившиеся даже после замужества: «Пошла я посмотреть, спокоен ли мой муж, и нашла его покойно спящего на одной кровати с племянницей, обнявшись. Моя невинность и незнание так были велики, что меня это не тронуло...»; «Племянницу свою взял к себе жить. Днем все вместе, а когда расходились спать, то тесно или для других каких причин, которых я тогда не понимала, меня отправляли спать на канапе»; «Я тогда не знала другой любви...» (*Лабзина А. Е. Указ. соч. С. 31, 38—39, 67*). Ср. с разительными переменами в сексуальной «просвещенности» институток начала XX в.: «Вблизи меня в проходе столпилась небольшая группка моих одноклассниц. Между ними идет какой-то таинственный тихий разговор: “После свадьбы? Муж и жена? Что делают? Как это? Рождаются дети?” <...> Аня помолчала, как бы испытывая какое-то затруднение. Потом сложила пальцы левой руки в неплотный кулачок и, убрав все пальцы правой руки, кроме среднего, быстро сунула выставленный палец в кулачок левой. “Понимаешь?” Я поняла. <...> Я спросила Олю: “Аня говорит... Как ты думаешь, это правда?” “Правда, Васенька, — ответила Оля. — Моя мама акушерка. У нее есть такая книга... Я прочла...”» (*Морозова Т. Г. В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. С. 422—423*).

⁸⁵ Послабления допускались только в отношениях с признанным в статусе официального «жениха», которому разрешалось наносить частые визиты и даже оставаться наедине с девушкой («короткость обхождения»). Не случайно последующий отказ жениться расценивался как «безславию», «безчестие», «обезславие девушки» (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1—7 об.), хотя «короткость обхождения» подразумевала часто всего-навсего разговоры с глазу на глаз без постороннего присутствия. О том, что и для западноевропейских женщин разной социальной принадлежности «понятие чести имело всецело гендерное содержание», см.: *Репина Л. П. История женщин и гендерные исследования: от социальной к социокультурной истории // Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 185.*

⁸⁶ Внебрачную беременность все-таки было легче скрыть, чем добрачную, и отношение к ней было более лояльным. К тому же женщинам, переживавшим многочисленные беременности,

вследствие допустимости более раскованного коммуникативного поведения для взрослой, побывавшей замужем женщины. Не случайно и П. А. Осипова (1781—1859), и А. П. Керн (1800—1879), как явствует из писем и мемуаров, составляли вербальную конкуренцию своим дочерям в общении с мужчинами, проявлявшими к ним интерес. В условиях замкнутости усадебной жизни, ограниченности круга общения⁸⁷ и дефицита потенциальных женихов поколение старших дочерей испытывало ощущение безотчетной угрозы своим матримониально-репродуктивным интересам (своего рода сублимированной сексуальности, поскольку сексуальность вне контекста брака и рождения детей ими не мыслилась) со стороны матерей, обладавших к тому же еще и имущественной состоятельностью. В рамках полных семей подобные переживания сохранялись на уровне архетипически обусловленных фобий: отец, персонифицирующий мужчину, способного к браку в данном локальном пространстве (дворянской семьи), уже «занят» матерью.

Естественно, разрешением репродуктивного «конфликта поколений», имплицитного сексуального «соперничества» оказывавшихся одновременно в пределах детородного периода далеко не пожилой матери и ее взрослой дочери в условиях дворянской жизни с четко закрепленными семейными ролями (когда мать и дочь невозможно представить «подругами», а их общение строится отнюдь не на равных) могло быть только еще более жесткое акцентирование существующих гендерных ролей и позиций посредством их властного маркирования. Внутренняя мотивация «устранения соперницы» вынуждала «молодых» матерей не признавать наступившей «зрелости» старшей дочери, что выражалось в «сопротивлении» ее переходу из категории детей в категорию взрослых. Об этом свидетельствует усиление властного нажима со стороны матерей именно на взрослых девушек и ужесточение диктата по отношению к ним, публичная демонстрация материнской власти над дочерью как возможности произвольного манипулирования ею. Ситуация, в которой мать в присутствии всех родственников заявляет, что «оставляет» 26-летнюю дочь, так как не может «взять» ее с собой⁸⁸, кодирует девушку как ребенка, как существо пассивное, лишенное собственного волеизъявления и подчиняющееся решениям родителей. (При этом любое представление девушки как «малого, неразумного ребенка»⁸⁹ всегда воспринималось особенно болезненно.) Преднамеренное удержание взрослой дочери в позиции ребенка символизирует отказ матери от собственного перехода в иную возрастную и ролевую категорию, таящую для нее угрозу утраты обретенной и осознанной сексуальности.

Тем не менее в мужской мемуарной традиции можно встретить альтернативные свидетельства о телесном, сексуальном «взрослении» дворянских девушек в том случае, если речь шла о взаимной симпатии близких по возрасту молодых людей и нахождении их в ситуациях «ослабленного» контроля со стороны старшего поколения⁹⁰. Дворянских

тем не менее, вероятно, из опыта были известны какие-то «секреты», чтобы избежать этого состояния.

⁸⁷ Также см.: Гроссман Л. П. Указ. соч. С. 35.

⁸⁸ Речь идет об известном эпизоде соперничества матери и дочери Вульф (П. А. Вульф-Осиповой и А. Н. Вульф (1799—1857), рожденной ею в 18 лет, не вышедшей замуж и не рожавшей) за расположение А. С. Пушкина: «Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня (26-летнюю дочь! — А. Б.) взять с собою... Если бы вы знали, как я опечалена! Я право думаю, как и А. К. (Анна Керн. — А. Б.), что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь... Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина!.. Я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попало в руки мамы...» (Письмо А. Н. Вульф к А. С. Пушкину от начала марта 1826 г. // Гроссман Л. П. Указ. соч. С. 42—43).

⁸⁹ Ковалевская С. В. Указ. соч. С. 34.

⁹⁰ «Я шалберил с ее дочерью; ей также было лет шестнадцать или восемнадцать. Всякой вечер после ужина... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую ее в губы, в

юношей, которым было хорошо известно «принятое обыкновение, требующее от девицы строгого воздержания», подобный запрет мало сдерживал. Вместе с тем дефлорация обозначалась ими в этических терминах — «сделать несчастною», «нарушить девичью драгоценность», «ввергнуть в поношение». Причем некоторые мемуаристы (как, например, М. П. Загряжский) всячески подчеркивали полную готовность дворянских девушек, с которыми они «шалберили», вступить в добрачные отношения, приписывая недопущение этого лишь собственному благоразумию.

О возможности добрачных связей дворянок также свидетельствуют не собственно женские письма, мемуары, дневники, литературные произведения, а мужская обценная поэзия, вышедшая, например, из юнкерской среды 30-х гг. XIX в.⁹¹ Трудно с уверенностью судить о достоверности данного источника, который по жанру мог выдавать желаемое за действительное, будучи проекцией тайных юношеских мечтаний. Скорее всего, как раз намеренная вербализация ситуации межполовых сексуальных контактов до брака, вербальное снятие культурного запрета, демонстративное отрицание социальной и сексуальной нормы⁹² и абсолютизация девиации являлись следствием реальной недопустимости добрачных связей дворянской девушки. Кроме того, описываемые юнкерской скабрёзной поэзией варианты утраты барышнями невинности могут рассматриваться как проявления мизогинии, присущей не только этим, но и другим произведениям, бытовавшим обычно в исключительно мужской среде⁹³.

Н. Л. Пушкаревой при анализе эго-документов дворянок XVIII — начала XIX в. не удалось выявить «ни одного случая добрачной беременности и рождения ребенка до замужества»⁹⁴. Правда, она не отрицает полностью саму гипотетическую возможность таких ситуаций, не фиксируя их по этическим соображениям, но, сопоставляя

шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того развежились, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: “Я вся твоя”, только таким тоном, что я почувствовал [и] опомнился, какие могут быть последствия, за что я [ее] сделаю несчастною; встал и пошел вон. С сего время оба были гораздо осторожней, целовались и обратились, как брат с сестрой» (*Загряжский М. П.* Указ. соч. С. 113); «Я поволочился за его падчерицей А. С. Храповицкой, и нередко доводил ее до крайнего желания увенчать нашу любовь, но как я всегда на это был жалостлив, то и не довел ее до нарушения девичьей драгоценности... они поехали в деревню. Я их провожал до Можайска. Падчерица с мамзелью в карете, брат с невесткой в кибитке, на своих. Как обыкновенно встают до света, то я заберусь в карету и шалберю с ней: сажаю на колени и рукам даю волю, она целует» (Там же. С. 143); «А мы по большей части вечера сидели в ее диванной с глазу на глаз, только любовались друг другом, не переставали уверять в[о] [в]заимной непоколебимой любви, и запечатлевали поцелуями. Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею, а правой под щеку, чтоб крепче целовать, и движением оной ощутительно давала мне знать пламенную страсть ее любви. Я правой держал ее за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят. Если б на моем месте был такой, которой в юности своей не смотрит на принятое обыкновение, требующее от девицы строгого воздержания, и не думая, в какое поношение ее ввергает, верно б не дождался священного позволения. Она вскочила, села одаль, а я сделался не шевелящимся истуканом, мысленно пеняя себе за излишнюю шалость. Несколько минут сидели молча, не смея взглянуть друг на друга. Я прервал молчание, опять разговор наш возобновился, только совсем в другом тоне, не напоминая о прошедшем, как будто ничего не было предосудительного» (Там же. С. 149).

⁹¹ См., напр.: Ш. А. Л...ой // *Eros russe: Русский эрот не для дам.* 3-е изд., испр. Oakland, 1995. С. 63—64 (1-е изд.: Женева, 1879); *Неизв. автор.* Голос природы // Там же. С. 87—88.

⁹² В самой юнкерской скабрёзной поэзии, педалировавшей гомосексуальные отношения мужчин и нестандартные формы гетеросексуального общения, явно прочитывается идея нарочитого, юношески максималистского отрицания нормы, которая, вместе с тем, четко зафиксирована в сознании авторов.

⁹³ Например, о мизогинистской направленности английской памфлетной литературы XVII в. для мужчин из простонародья см.: *Ретина Л. П.* Указ. соч. С. 169—170, 192.

данные о дворянках со сведениями о крестьянках и представительницах городского населения, среди которых такие случаи как раз зафиксированы, утверждает, что именно у дворян «представление о “позорности” наживания детей до брака укрепилось»⁹⁵. Вероятно, опасения забеременеть могли быть, наряду с моральными предписаниями и религиозными убеждениями, а точнее, в их контексте, эффективным фактором предостережения дворянок от вступления в добрачные связи. Однако останавливали они не всех.

Свидетельства добрачных беременностей в женских субъективных источниках все-таки встречаются, правда, когда речь идет не о «своем», а о «чужом» опыте. Придворная среда, где коммуникативные связи между полами отличались большей регулярностью и интенсивностью, чем, например, в усадебной жизни, не исключала случаев беременности молодых фрейлин от более старших женатых придворных. Екатерина II вспоминала, что в бытность ее великой княгиней «до сведения Императрицы дошла любовная интрига Чоглокова с одною из... фрейлин Кошелевою, которая от него забеременела»⁹⁶. Последствия данного «инцидента», с точки зрения мемуаристки, оказались неожиданными для всех знавших о нем: несмотря на активное осуждение адюльтера, «неверный» муж сохранил свои придворные позиции, в то время как его беременной возлюбленной «велели ехать к дяде, обергофмейстеру Шепелеву»⁹⁷. Притом, что в данном конкретном случае горячей защитницей мужа перед Елизаветой выступила, как ни странно, «обманутая» им жена, к тому времени мать шестерых его детей⁹⁸, принятое решение действовало в укрепление стереотипа более строгого порицания добрачной беременности женщины по сравнению с супружеской изменой мужчины. В середине XIX в. скандальную огласку в светских кругах Петербурга получила добрачная связь Е. А. Денисьевой (1826—1864), племянницы «заслуженной инспектрисы» Смольного института А. Д. Денисьевой (? — 1880), с Ф. И. Тютчевым (1803—1873)⁹⁹.

Таким образом, девичество как этап жизненного цикла в дворянской среде XVIII — середины XIX в. — либо слишком короткий период при раннем замужестве, либо формально пролонгированный до конца жизни в случае официального безбрачия. При этом девичество было отмечено еще большей неполноценностью, чем детство, поскольку обременялось многочисленными социальными ожиданиями, от осуществления которых зависели в будущем статусы женщины — семейный, социальный, гендерный. Основным содержанием этих социальных ожиданий была «своевременность» реализации дворянской девушкой матримониального и репродуктивного «предназначения». Причем для окружающих девичество юной дворянки не имело ценности как время ее внутреннего становления и обретения себя, формирования самооценки и начала самореализации.

Механизм социального конструирования гендера в период девичества явно характеризуется репрессивностью: ограничением доступа к информации (чтению, образованию), в том числе касающейся взаимоотношений полов, жестким контролем за акциональным и вербальным поведением и самовыражением, запретом на внепубличную устную и письменную коммуникацию с представителями противоположного пола, интериоризацией представлений о постыдности телесного и сексуального, вплоть до низведения сексуальных отношений до уровня недочеловеческих («скотская любовь»), предписанием требований «строгого воздержания», соблюдения «девичьей

⁹⁴ *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. С. 192.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Екатерина II.* Указ. соч. С. 67.

⁹⁷ Там же. С. 69.

⁹⁸ Там же. С. 68.

⁹⁹ Из воспоминаний А. И. Георгиевского // Литературное наследство. М., 1989. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 110.

драгоценности», гендерным пониманием «чести» и «славы» в отношении девушки. Особенно важно, что, несмотря на фиксируемые женской автодокументальной традицией переживания дворянками опытов конструирования собственной идентичности, им не удавалось избежать внушаемых стереотипов о жизненном пути как об «участи», в решении которой им отводилась пассивная роль, об отождествлении «участи» женщины с замужеством, о «счастье» девушки как о ее невинности до брака, о предназначении как о деторождении. Внутренняя самооценка зачастую определялась внешними требованиями и реализацией внешних ожиданий.

Наблюдается явное противоречие между ориентацией девушки на замужество и деторождение и, наряду с этим, блокированием обретения и осознания ею собственной телесности и сексуальности. В то же время запрет на сексуальное «взросление» легко объясним тем, что сексуальность женщины считалась принадлежностью не ее, а того, кому сама она будет «принадлежать» в качестве жены. Речь идет о своего рода «отчужденной» сексуальности. В отсутствии ритуала, легитимирующего и, вместе с тем, облегчающего переход из девичества в зрелый возраст, задача «нормативной» культуры не в том, чтобы девушка обрела себя, осознала собственную идентичность, а в том, чтобы стала «привлекательным», востребованным «матримониальным продуктом». Тем самым закладывались основы удержания девушки/женщины в подчиненной позиции, гендерного контракта, при котором сохранялись ориентация дворянок на получение преимущественно минимума образования, отсутствие профессиональной реализации, маргинализация женщин, предпринимающих внехозяйственную деятельность для обеспечения средств к существованию, осуждение добрачных связей, воспроизводство традиционной модели семейно-брачных отношений со старшинством и главенством, вплоть до «деспотизма», мужа. Однако для части дворянок эти же факторы при определенных обстоятельствах становились основой поиска собственной идентичности, обретения себя в новом качестве, самостоятельной выработки более «удачной», с их точки зрения, жизненной стратегии.